

7. Holbrook, J. Britt. «What is interdisciplinary communication? Reflections on the very idea of disciplinary integration.» Synthese, September 2012 DOI 10.1007/s11229-012-0179-7

8. Klein, Julie Thompson. *Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice*. Detroit: Wayne State University, 1990.

9. Leydesdorff, Loet. «Betweenness Centrality» as an Indicator of the «Interdisciplinarity» of Scientific Journals. In: Journal of the American Society for Information Science and Technology, 2013. Index interdisciplinarity — asis.org/Conferences/AM09/posters/92.doc

10. Pavlát, V.: New E-learning Courses at the Institute of Finance and Administration (V. Pavlát, University of Finance and Administration, Czech Republic). In: Proceedings of the 1st International e-Conference on Optimization, Education and Data Mining in Science, Engineering and Risk Management 2011). 1st October — 31st December 2011 (Bratislava, Slovak Republic). Organized by Curriculum Studies Research Group. ISBN 978-80-904948-1-7

11. Request for a support of Internal Grant Agency (7 pages): «*Situation, results and perspectives of selected banks in the Czech Republic.*»

12. Sugimoto, Cassidy R. Proposal and application of the interdisciplinarity borrowing index: Determining the degrees of interdisciplinarity of ILS dissertations. University of North Carolina at Chapel Hill, School of Information and Library Science, CB#3360, 100 Manning Hall, Chapel Hill, NC 27599-3360, USA

13. Tender Offer — Project «*Financial Markets Infrastructure*» (sponsorship: Ministry of Education, Youth and Sports)

14. The evaluation of the request — Project «*Situation, results and perspectives of selected banks in the Czech Republic.*» (approved on 30.09.2013)

Статтю подано до редакції 02.02.14

УДК 330.101.4

О. С. Сухарев, д.э.н.,
проф., в.н.с. ИЭ РАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

АННОТАЦИЯ. В докладе рассматриваются вопросы, касающиеся состояния современной экономической науки, её основных школ, причины, почему экономическая наука якобы не предвидела мировой кризис. Подчёркивается институциональная природа современ-

ных кризисов капитализма, при этом аргументируется отсутствие кризиса в экономической науке. Обозначаются задачи и направления развития экономического знания, которые обеспечат широкую перспективу для его совершенствования, с перенесением акцента на состояние российских экономических школ, обосновывается социальная функция экономической науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая наука, мировой кризис, кейнсианство, неоклассика, эволюционная экономика, задачи науки

ABSTRACT. The report addresses issues relating to the state of modern economics, its main schools, the reasons why economics is allegedly failed to foresee the global crisis. Emphasizes the institutional nature of the modern crises of capitalism, and the absence of crisis, argued in economics. Are designated tasks and directions of development of economic knowledge that will provide a broad perspective for its improvement, with the transfer of emphasis on the state of Russian economic schools, justified the social function of economics.

KEYWORDS: economics, global crisis, Keynesianism, neo-classical, evolutionary economics, the task of science

В период мирового экономического кризиса 2008–2011 гг. часто говорилось о том, что экономическая наука не смогла его предвидеть, спрогнозировать, предупредить. Из этого тезиса далее делался вывод, будто причина этого факта сводится к методологическим трудностям, которые испытывает экономическое знание и, более того, связана с кризисом самой экономической науки. Многие модели оказались бессильны в их использовании. Иными словами, наблюдалась беспомощность эконометрики, которая с 30-х годов XX века вывела экономическую науку в ряд строгих и точных наук, широко пользующихся математическим аппаратом и достижениями математики. Даже такой известный метод, который еще в 1960–1980 гг. активно применялся при государственном планировании экономического развития — метод «затраты–выпуск» В. Леонтьева, оказался малоиспользуемым на рубеже XXI века. Более того, в зарубежных научных журналах уменьшается количество ссылок на этот метод, не говоря уже о развитии данной методологии. Российские экономисты-математики, некогда разрабатывавшие систему оптимального функционирования экономики, также снизили, к сожалению, усилия по развитию метода межотраслевого баланса.

Аналогичные тенденции наблюдаются и по другим моделям и математическим процедурам, некогда использующимся в экономической науке. Конечно, можно возразить, что появляются новые модели, но их результативность и применимость оставляют

желать лучшего. Более того, нужно вспомнить, как В. Леонтьев сетовал на то, что в передовых научных журналах по экономике можно видеть далекие от эмпирической достоверности статьи, содержащие оторванные от жизни математические модели высокой абстрактности. В подтверждение своих слов, он приводил соответствующие данные обзора подобных научных статей.

Указанная проблема не нова, она периодически обостряется в экономической науке, особенно, когда в период кризиса выводы и прогнозы становятся недостоверными. Безусловно, проблема много шире: многие модели «не срабатывают» не только во время кризиса, но в период роста экономики. Известный институционалист Г. Мюрдаль отмечал, что в экономической науке только лишь посредством математических приемов и моделей невозможно получить ответы на поставленные вопросы и решить проблемы, устанавливаемые эмпирически. Сила математики в экономике является ограниченной сложностью и спецификой построения экономической системы, социальным характером взаимосвязей между элементами общественной системы. Если основа мирового финансового кризиса сосредоточена в работе финансовых институтов и денежном обращении, то применительно к экономической науке ситуация совершенно иная — наличие кризиса требует критерия, согласно которому можно идентифицировать состояние экономического знания как кризисное.

Объяснения, которые приходится видеть в последнее время, будто экономическая наука не смогла предвидеть кризис, несмотря на предупреждение отдельных экономистов и магнатов финансового капитала, не являются удовлетворительными.

Следует напомнить, что еще в начале XX века Т. Веблен в работе «Теория делового предприятия» отмечал, что возникает своеобразная пирамида вследствие действия основных капиталистических институтов. Эта пирамида «работает» примерно так: спекулятивная деятельность и «кредитная инфляция», ею подогреваемая, обеспечивают рост цен, что поддерживает и высокий спрос на кредит, увеличивая и его стоимость, то есть процентную ставку. Причем возрастающий спрос требует и большего кредита, а возросшая процентная ставка действует в направлении расширения предложения кредита. Эта цепочка срабатывает до тех пор, пока предприниматели, ориентирующиеся на высокую ожидаемую прибыль, не столкнутся с возрастающим ожиданием невозврата кредитов. В силу чего после «кредитной инфляции» возникает «кредитная дефляция», предприятия ориентируются на собственные средства, а банки сокращают предложение кредита.

Таким образом, современный механизм кризиса описан в экономической литературе давно и его отличие от наблюдаемых явлений связано с масштабом и перегруппировкой факторов, но общий стержень данной капиталистической пирамиды сохраняется. Относительно факторов вопрос становится определяющим, причем их проявление закладывается действиями по отмене ограничений, которые вводились в борьбе с предыдущим кризисом, будто для того, чтобы придать динамизм развитию экономики. Вследствие этого, картина повторяется в новом качестве, при иной конфигурации факторов и условий.

Экономисты-либералы часто ссылались на М.Фридмена и Ф.Хайека при отрицании необходимости масштабной промышленной политики. Однако, сам Хайек, например, утверждал, что «наверное, ничто не принесло столько вреда, как нестигаемое следование... некоторым эмпирическим правилам, прежде всего, такому принципу капитализма как «laissez-faire» невмешательства. Правительству должно играть свою роль в областях, начиная от регулирования продолжительности рабочего дня, денежно-кредитной политики и деятельности финансовых институтов до обеспечения потока соответствующей информации»¹.

Проблема современного мирового финансового кризиса сосредоточена в природе самого капитализма, его базовых институтах. На эту природу обращали внимание такие классики как К.Маркс, Т.Веблен, Р.Гильфердинг и многие другие их последователи. Причина в том, что промышленный капитал стал подчинён финансовому капиталу, и произошёл глубокий разрыв в развитии финансового и реального секторов современной хозяйственной системы, с явным усилением спекулятивных начал в экономике (образование пирамидальных финансовых структур)..

Маркс К. отмечал, что «господство банковского капитала над промышленностью — важное явление новейшего времени»². Гильфердинг Р., продолжая ту же мысль, спустя более полувека, отмечал, что «функция промышленного капитала всё более становится монополией крупных денежных капиталов — отдельных или ассоциированных»³. Эти тенденции усматривались им к середине 20 века. Ещё Веблен Т. в «Теории делового предприятия» показал, что основа экономического кризиса сос-

¹ Hayek F. Constitution of Liberty. — Chicago: University of Chicago Press, 1960 — P. 502–503.

² Маркс К. Капитал. — М.: Т.2 — С. 79.

³ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. — М.: URSS, 2011. — С. 72.

тоит в работе финансовых институтов и обороте денег. Кредитная инфляция и дефляция — два механизма, обеспечивающих цикличность развития капитализма. Причины современного кризиса также обнажаются в дисфункции финансовой системы, с дальнейшим её распространением в «реальные» секторы экономики.

Генератором финансового кризиса явились США, то есть, наиболее обеспеченная страна. с высоким уровнем жизни, развитой технологией :

- с 1979 по 2004 г. доходы самых бедных 20% населения США увеличились на 2,8 %;
- общий долг всех агентов в 2007 г. составил 350 % ВВП, что превышает долг 1929 г.;
- долг на банковских картах составил 900 млрд долл.;
- задолженность американских семей увеличилась с 46 % ВВП в 1979 г. до 98% ВВП в 2007 г.;
- повышение рентабельности капитала происходило за счёт роста задолженности;
- потеря на деривативах компании Bear Stearns составляет порядка 13,4 трлн долл. на март 2008 г.;
- бюджетный дефицит — 12 % ВВП, доля прибыли в ВВП финансового сектора 14 % в 1960 г, 40 % — в 2008 г.;
- 5 % населения США присваивают 38 % дохода и 50 % национального достояния за период 1990–2006 гг.

Иными словами, провоцируется дисфункция финансовой системы:

а) нарушается управление рисками; б) неэффективно распределяется капитал; в) не используются сбережения с минимальными транзакционными издержками.

Причина потери функций и управляемости состоит в поощрении «эпохи финансового монетаризма», которая началась с работы президентской комиссии Ханта в 1972, особый расцвет этой эпохи пришёлся на 1980-ые гг. (закон о дерегулировании депозитных учреждений):

- верхние пределы процентных ставок по депозитам,
- устранить различия между банками и иными кредитными учреждениями,
- разрешить создание филиалов банков повсеместно

В законе о дерегулировании депозитных институтов и денежно-кредитном контроле от 1980 года, были реализованы и развиты положения доклада Ханта:

- устанавливалась норма обязательных резервов;

- потолки процентных ставок отменялись, расширялись возможности ссудо-сберегательных учреждений;
- ставки ссудного процента привязывались к учётной ставке;
- упрощались условия кредитования;
- вводился ряд преференций для работы банков — членов и не членов Федеральной резервной системы.

Это был «спусковой курок» «финансового монетаризма». С начала 1990-ых финансовый сектор отрывается в своём развитии от «реального» сектора.

Одновременно о докладе Г. Макмиллана забыли, а именно в этом докладе были сформулированы основные императивы коэволюции финансового и реального секторов (промышленности):

- финансовая система обязана обслуживать потребности промышленности;

- денежно-кредитная политика должна противодействовать нестабильности производства и сокращению занятости;

- необходимо удовлетворять потребность в крупномасштабном финансировании, финансировании корпораций, а также долгосрочного капитала малым и средним предприятиям. На практике именно это финансирование было недостаточным. При этом эмиссия акций для этих не столь крупных компаний не могла решить проблемы насыщения их достаточным капиталом. Этот обнаруженный «разрыв» в потребном капитале, был назван «разрывом Макмиллана». Основа экономической политики — финансовая система должна преодолевать указанный «разрыв».

В связи со сказанным, всю ответственность за кризисы не следует возлагать на экономическую науку, упрекать её в том, что она оказалась бессильной в предсказании кризиса или навешивать ярлыки какой-то одной экономической школе, которая имела сильные позиции долгие годы в правительственных кругах.

Следует обратиться к институтам, включая и институты организации самой науки, которые позволили пренебречь иными точками зрения и иными предложениями и предостережениями, а также учесть результаты структурной динамики экономической системы. Удивительно, но остаётся фактом, что современные критики, обладая нобелевской премией по экономике, полагают, что они правы, но остаются в стереотипных представлениях о развитии экономической науки, поскольку замена доминирования одной экономической школы другой ничего не способна изменить по существу (речь идёт о критике П. Кругмана). И фискальное стимулирование в рамках кейнсианских программ — это старый рецепт экономической политики. Главный же вопрос, с моей

точки зрения, должен состоять в том, почему растущая сложность экономической системы, ввергающая её в кризисы по прошествии некоторого промежутка времени, оставляет неизменной сложность правительственных мероприятий и инструментов, не предполагая более дифференцированные методы воздействия и управления экономикой. Дело не в том, что интегральные эффекты правительственных мероприятий трудно учитывать и оценивать, а действия различных ведомств накладываются друг на друга с не ясным усилением или ослаблением. Проблема состоит в том, что скорость развития экономики приобрела такую величину, что наука не успевает оценивать как саму эту скорость, так и изменение закономерностей с ней связанных. Как известно, Р. Лукас назвал антикризисный план американского президента Б.Обамы «халтурной экономикой». Причина в том, что вывод из кризиса, согласно этому плану, осуществляется за счёт кейнсианских рецептов, которые сейчас реанимируются после эпохи главенства неолиберализма и монетаризма, но которые не способны ликвидировать долговую природу современной экономики. Выход из кризиса уже плавно происходит за счёт дальнейшего возрастания долговой экономики. Таким образом, имеем парадоксальную ситуацию, когда долговая экономика обеспечила эффект «схлопывания ликвидности», по существу породив кризис, а преодоление кризиса сопряжено с дальнейшим развитием долговой экономики за счёт применения методов финансового стимулирования и поддержкой совокупного спроса.

В последнее время стали много чаще говорить о кризисе экономической науки, проводя параллели с экономическим кризисом и даже полагая, будто развитие самой науки циклично, также как и хозяйства. Сейчас опять обращаются, например, к кейнсианским рецептам. По этому поводу можно сделать два важных уточнения-замечания.

Во-первых, если кризис хозяйственной системы можно точно идентифицировать по ухудшающимся показателям её развития, то кризис экономической теории (знания) определить значительно сложнее. Здесь важное место отводится критерию, который бы позволил определить наличие кризиса конкретной экономической теории. В частности, считать ли кризисом теории неспособность дать объяснение новым событиям хозяйственной жизни, трудности в описании экономических явлений, ошибки прогнозирования или неспособность дать действенных рецептов по управлению экономикой (модели управления), либо наличие всех перечисленных четырёх появлений, либо двух из них, на-

пример, неспособность дать точный прогноз и предложить политические решения. А может быть «силу» и «слабость» теории можно свести к «идеологическому» влиянию на политический истеблишмент, то есть тому, используется ли данная теоретическая доктрина в качестве базы для формирования и реализации экономической политики. Так, институционализм сильно влиял на правительства в 1930–1940-ые гг., кейнсианство в 1940–1960, затем с 1970 по 1990-ые гг. монетаризм и система «вашингтонского консенсуса», «экономика предложения» стали определять так называемый «передаточный механизм» экономической политики. В 2000-ые гг., особенно в силу кризисов 2002–2004 и наиболее тяжёлого 2008–2010 гг. посткейнсианство в обозначенном здесь смысле испытывает возрождение. Вместе с тем, каждая из теоретических доктрин неоднородна. Только в кейнсианстве имеется, по меньшей мере, 3 оригинальных направления (фундаменталистское кейнсианство — Дж. Робинсон, гидравлическое кейнсианство — Дж. Хикс, Э. Хансен, восстановленный редукционизм — Лейонхуфвуд): Как определить какое из них, почему и в какой период имело большую или меньшую силу, какое «затихло» и считать ли это кризисом — отдельной школы или всего научного направления.. Более того, даже если происходит на каком-то историческом этапе отказ от теоретических взглядов, скажем, монетаризма в 2000-ые гг., то это совсем не означает, что спустя время, не найдётся несколько талантливых исследователей, которые «оживят», реанимируют данное направление исследований. Так, М. Фридмен спустя существенный промежуток времени поднял количественную неоклассическую теорию денег (точнее, даже спроса на деньги) на новую более высокую ступень. Старый институционализм, который понизил своё влияние на умы правящих кругов и в рамках экономического анализа в 1950–1980 гг. благодаря работам Дж. К. Гэлбрейта в 1960–1970-ых гг., а также эволюционистов в 1980-ые — к 1990-ым гг. обрёл новое масштабное звучание. Видимо, период времени, на котором отсутствовало сильное влияние некой экономической школы нельзя считать периодом кризиса этой школы (теории).

Во-вторых, экономическая наука относится к таким наукам, полученное знание в рамках которой, используется образованными агентами для изменения своих моделей поведения с целью получения неких выгод, что искажает само знание и как будто превращает его в менее действенное, испытывающее «кризис». В этом случае хозяйственный кризис капиталистической природы становится трудно прогнозируемым, не только вследствие «сто-

хастической» основы самого капитализма и высокой скорости изменений в современных капиталистических системах, но и указанного характера использования знания агентами. К тому же кризис 2008–2010 гг. был вполне прогнозируемым отдельными экспертами, как и кризис 1929–1933 гг. Однако, политическая система избирательно отбирает экспертные оценки — это очевидная проблема управления, а не только экономической науки.

Кроме того, нужно принимать во внимание также, что экономические школы «разделяют» реальность, упрощают её, вводя свои ограничения, рассматривая элементы сложной хозяйственной системы, делают акцент на каких-то параметрах, а иные школы — акцентируют другие величины и условия. Кейнсианство исследует совокупный спрос, исходя из допущений о влиянии заработной платы, процента и денежного предложения, а монетаризм во главу угла ставит изменение спроса и предложения денег, неоклассика, вводит иные допущения об эластичности цен, процента и взаимодействии рынков. Иными словами подлинное содержания их расхожденья — это точность и адекватность модельных конструкций, создаваемых этими теоретическими направлениями анализа.

Один из главных критиков чикагской школы, представитель посткейнсианства Пол Кругман утверждает, что одна из главных причин кризиса — это крах финансовой математики, когда за правду была принята красота, облицованная убедительно выглядящими математическими выкладками. На мой взгляд, теория эффективного рынка Юджина Фама, модель САРМ, оценки долгосрочных активов, к сожалению, показали свою слабость, поскольку не учитывали два фундаментальных условия:

1. наличие институтов и институциональных эффектов (траекторию институциональных изменений, эффективность базовых институтов, проблемы регулирования и так называемые «провалы» рынка и государства — отрицательные внешние эффекты);

2. психологические модели агентов экономики и их изменение (иррациональность, альтруизм, эффект стадного поведения, доверие и недоверие, иррациональное расточительство и т.д.).

К тому же, все современные теории финансового рынка не учитывают структурных проблем развития финансовой и производственно-технической систем экономики. Не учитывает этих обстоятельств и сам П. Кругман, предлагающий лишь реанимацию кейнсианских процедур восстановления экономики, без учёта институтов и психологических моделей поведения, структурных пропорций экономической системы.

С одной стороны, и неоклассика, и кейнсианство учитывают психологию агентов при построении своих моделей. В частности, теория адаптивных и рациональных ожиданий базируется на оценке разной психологической реакции агентов на те или иные регулирующие воздействия правительства. В кейнсианстве используется представление о склонности к сбережению, мотивах предпочтения ликвидности — это сугубо психологические объяснения экономических явлений, включая и такое ярко очерченное Дж.М. Кейнсом понятие, как «ликвидная ловушка». Однако, с другой стороны, указанные проявления изменяются течением времени под воздействием интегрального взаимодействия различных факторов и институциональных условий — и как это сказывается на содержании макромоделей, формируемых в рамках одного и другого направления экономической науки не вполне понятно. Поскольку речь сегодня ведётся о том, чтобы включить финансовые рынки в макроэкономические модели, следовательно, именно ряд важнейших психологических реакций и моделей поведения рынков просто не учитываются современными макроэкономическими моделями. Это потребует изменения рамочных условий моделирования и включения инструментария институциональной теории и экономической психологии в используемые макроэкономические доктрины.

Современный тип экономического роста является инновационным, зависимым от совокупной производительности факторов производства, обеспечиваемой появлением новых комбинаций. Развитие техники и технологий предполагает иную логику, чем линейное заимствование ресурса у старых комбинаций. Скорее всего, это логика высокой моды, интерспецифического ресурса, секретных разработок. Изобретательство, научная работа, осуществляемые также в условиях «старых» средств производства, тем не менее, могут давать новые комбинации. Вопрос относительно того, насколько вообще возможно, используя «старые» ресурсы создавать новые комбинации и не понадобятся ли для этого «новые» ресурсы, имеет ответ в рамках логики совершенствования и развития техники. Ответ определяется постановкой задачи, уровнем проектной постановки. Если речь ведётся об освоении космоса, то здесь понадобились и новые комбинации средств производства, и новые комбинации интеллекта и даже управленческих решений. В начальной точке этого проекта наука дала точный ответ, что ресурсов для решения такой задачи — достаточно.

В условиях депрессии и кризиса экономики (финансового кризиса 2008–2009 гг.), когда наблюдался эффект «исчезнове-

ния» финансов, происходило свёртывание заказов в промышленности и других секторах. В результате, фирмы, свёртывая одни технические направления работы, начинали «пробовать» освоение других технических направлений. При этом, никакой переброски ресурсов не происходило — просто останавливались одни работы и заказы, сокращался персонал, но возникали какие-то новые заказы, на новых рынках, при сокращении занятых и объёмах выпуска. Эти случаи нарушают принцип «созидательного разрушения». Институциональные ограничения начинают играть всё более важную роль при рассмотрении структурных проблем экономики, детерминируют межсекторный перелив ресурсов. Именно институты дают примеры отклонений от принципа «созидательного разрушения» или, по крайней мере, приводят к необходимости некой его модификации. Технологические изменения описываются в рамках принципа «комбинаторного наращения»¹.

Однако, мне хотелось бы отметить, что проблема не так проста и отнюдь не касается исключительно фискального кейнсианского рецепта стимулирования экономики в период депрессии, что предлагает Пол Кругман². Подлинное содержание проблемы не просто в учёте эффектов иррационального поведения агентов на рынке, их стадного поведения, паники и доверия, а также оптимистических ожиданий, провоцирующих эффект расточительства, что затем сопровождается исчерпанием ликвидности, то есть не только и не столько в имманентной нестабильности финансовых рынков и необходимости включить финансовый сектор в макроэкономические модели, а в том, чтобы понять эффективность развития различных секторов экономики, соотношений скоростей этого развития и их взаимовлияния. Существо проблемы в отрыве и отсутствии убедительных теоретических объяснений и вытекающих практических рекомендаций по ликвидации «разрывов» межсекторного экономического развития.

Справедливости ради, отметим, что французские регуляционисты использовали метод структурного анализа для изучения проблемы кризиса капиталистической системы.

Ключевая идея Кейнса Дж. М. о том, что полное развитие финансовых систем делает ещё менее вероятным саморегулирование рыночных экономик, с одной стороны, позволяет справедли-

¹ Сухарев О.С. Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста. — М.: Финансы и статистика, 2012

² Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times, September 2, 2009, pp. 3-8.

во усомниться в неоклассических рецептах преодоления кризиса, с другой, всё-таки не позволяет получить точного ответа о причинах, прогнозах и масштабе возникающих финансово-экономических потрясений. Можно задаться вопросом: а должна ли в принципе экономическая наука давать ответ на подобные вопросы?

Три главных направления экономической науки [неоклассика, кейнсианство, эволюционная экономика] не являются однородными. В каждом из них существуют свои школы, дающие часто расходящиеся результаты. Эволюционная экономика развивается как направление экономической мысли не так давно, но и в нём можно выделить направление, изучающее закономерности технологического развития, циклической динамик и эволюции институтов — институциональных изменений. В рамках технологического направления особый вес приобрело современное неошумпетерианство. Сегодня это направление имеет наиболее сильные позиции в Европе благодаря деятельности шумпетерианского общества и изданию журнала «*Journal of Evolutionary Economic*».

Кризис капитализма привёл к переосмыслению позиций неоклассики, которая господствовала в 1990-ые гг. в качестве первоосновы для формирования экономической политики. Обозначился поворот в сторону кейнсианских школ экономической мысли, в частности, посткейнсианства, то есть усилению позиций государства в противовес неолиберальным рецептам «минимального государства», исходящим от неоклассики в связи с необходимостью балансировать бюджет, сокращать расходы, сдерживать повывшательную динамику цен (инфляцию). Посткейнсианство имеет целью стимулировать совокупный спрос, усилить рычаги государственного регулирования. Видимо, можно предположить, что кейнсианские рецепты имеют встроенную опасность, связанную с ростом долга на длительном интервале времени.

Проблема в том, что для современной России «эпохи модернизации» ни одна школа экономической мысли не даёт действенных рекомендаций, хотя отдельные меры могут быть применимы и действенны. Причины в том, что стимулирование спроса в условиях разросшейся «импортной инфраструктуры» только закрепит её влияние на развитие экономики, усилит её структурную зависимость от экономических центров Запада, товарной массы из Китая и Азии. Разрыв технологических цепей в отечественной промышленности не позволит реализовать принцип мультипликации государственных расходов и инвестиций. Более того, решение задач развития отечественной промышленности

потребуется специальных государственных инвестиций, которые бы восполняли потери в подобных цепочках. Иначе дело возрождения внутреннего рынка промышленных товаров будет выглядеть профанацией, а частный сектор и частный собственник сейчас не заинтересован в инвестициях подобных проектов и не располагает должными инвестиционными ресурсами.

Пролонгация действия процедур правительственной политики в разрезе неоклассики (продолжение приватизации, сокращение расходов, сдерживание инфляции методами регуляции валютного курса) не приведёт к решению базовых задач развития экономики, будет стабилизировать сложившийся «статус кво».

«Шумпетерианский рецепт» (эволюционная школа экономистов), согласно которому динамизм экономической системе придаёт предприниматель и инновации, которые он генерирует, так что необходимо стимулировать появление и тиражирование инноваций, применительно к России, в условиях порочной структуры экономики, сыграет с ней «злую» шутку, так как инновации требуют кредита, спроса, «реперных» точек в промышленности и на внутреннем рынке. Более того, инновации, в подлинном их смысле, дестабилизируют экономическую систему, обостряют конкуренцию, изменяют структуру финансовых потоков и экономики. По этой причине стимулирование инноваций не та цель макроэкономической политики, так как она, по сути, является вытекающей, подчинённой целью. В России макроэкономическая, а также отраслевая (промышленная) структурная политика должны быть направлены на создание спроса на отечественные производства, развёртывание продуктовых серий на внутренний и внешний рынок — и решение такой задачи создаст пласт необходимых инноваций. Кроме того, потребуются довольно значительные институциональные изменения.

Следовательно, нужен комбинированный макроэкономический подход исходя из «структурной логики» развития хозяйственной системы на длительную перспективу.

Бюджетная политика должна быть направлена на аккумуляцию финансовых ресурсов и резервов внутри стороны, с предотвращением вывода их за рубеж.

Институты кредитования необходимо использовать для поощрения «консервативной» модели поведения, а не инноваций, в связи с этим затея с опережающим кредитованием нанотехнологий является слабо обоснованной. Однако, стратегически значимые технологии, особенно фундаментальные для будущего экономики, должны быть профинансированы. Макроэкономическая

политика не должна опираться на фетиши каждой из названных экономических школ.

На мой взгляд, современная экономическая теория (наука) не испытывает никакого кризиса, даже несмотря на то, что имманентно обладает свойствами (фрагментарности, плюрализма, релятивизма), которые приносят отсутствие строгости, нормативную компоненту в это знание.

Выходом для науки мне видится её сосредоточение на решении коренных проблем человеческого общества (наука должна решать конкретные проблемы): энергетического и продовольственного кризиса, климатических изменений, бедности, неравенства и несправедливости, разрушения экосистем и др. Экономическая наука должна создавать и совершенствовать свой инструментарий по трём основным направлениям: теории эффективности, теории развития и теории «передаточного механизма» экономической политики.

Статтю подано до редакції 05.02.14

УДК (330.101+32.01):339.9

П. С. Ещенко, профессор, д-р экон. наук,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко
А. Г. Арсеенко,
ведущий научный сотрудник, канд. ист. наук,
Институт социологии Национальной академии наук Украины

КРАХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ И ГИПОТЕЗЫ БУДУЩЕГО МИРОУСТРОЙСТВА

АНОТАЦІЯ. Стаття присвячується дослідженню ролі економічної теорії і політики в стагнації сучасної світової економіки і пошуку альтернативних моделей економічного розвитку, що ведуть до створення більш гуманного і справедливого суспільства.

КЛЮЧОВІ СЛОВА: економічна теорія, економічна політика, економікс, капіталізм, соціалізм, глобальна фінансово-економічна криза, план, ринок.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящается исследованию роли экономической теории и политики в стагнации современной мировой экономики и поисков альтернативных моделей экономического развития, ведущих к созданию более гуманного и справедливого общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая теория, экономическая политика, экономикс, капитализм, социализм, глобальный финансово-экономический кризис, план, рынок.